

СТЯДЖЕР

Дмитрий Силлов

ЗАКОН ЧЕРНОБЫЛЯ

Апокалипсис-СТ

Дмитрий Силлов
Закон Чернобыля

«Издательство АСТ»

2020

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Силлов Д. О.

Закон Чернобыля / Д. О. Силлов — «Издательство АСТ»,
2020 — (Апокалипсис-СТ)

ISBN 978-5-17-134049-0

Американский полицейский Джек Томпсон, уже знакомый читателям по роману Дмитрия Силлова «Закон проклятого», никак не может забыть своих жену и дочь, погибших много лет назад. И вот однажды он узнает, что в далекой Чернобыльской Зоне некий академик Захаров при помощи артефактов оживляет давно умерших людей. И теперь единственной целью Томпсона становится добраться до Зоны и вернуть к жизни свою, казалось бы, навеки потерянную семью. Но у Зоны свои законы. И один из них гласит, что за исполнение любой мечты нужно платить. У желания Джека тоже есть своя цена. Для того чтобы оно сбылось, ему нужно убить сталкера по прозвищу Снайпер...

УДК 821.121.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

ISBN 978-5-17-134049-0

© Силлов Д. О., 2020
© Издательство АСТ, 2020

Содержание

Хронология романов о Снайпере	5
Автор искренне благодарит	6
Закон Чернобыля	7
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Дмитрий Олегович Силлов

СТАЛКЕР

Закон Чернобыля

Хронология романов о Снайпере

СТАЛКЕР. Закон проклятого
СТАЛКЕР. Закон Зоны
КРЕМЛЬ 2222. Юг
СТАЛКЕР. Закон стрелка
СТАЛКЕР. Закон шрама
КРЕМЛЬ 2222. Северо-запад
КРЕМЛЬ 2222. Север
КРЕМЛЬ 2222. МКАД
КРЕМЛЬ 2222. Сталкер
РОЗА МИРОВ. Закон дракона
СТАЛКЕР. Закон Шухарта
РОЗА МИРОВ. Побратим смерти
ПИКНИК НА ОБОЧИНЕ. Никто не уйдет
КРЕМЛЬ 2222. Петербург
КРЕМЛЬ 2222. Шереметьево
СТАЛКЕР. Закон «дегтярева»
СТАЛКЕР. Закон Призрака
СТАЛКЕР. Закон клыка
СТАЛКЕР. Закон долга
СТАЛКЕР. Закон свободы
СТАЛКЕР. Закон монолита
ГАДЖЕТ. Чужая Москва
СТАЛКЕР. Закон сталкера
СТАЛКЕР. Закон торговца
СТАЛКЕР. Закон крови
СТАЛКЕР. Закон Охотника
СТАЛКЕР. Закон Припяти
СТАЛКЕР. Закон якудзы
СТАЛКЕР. Закон лесника
СТАЛКЕР. Закон выживших
СТАЛКЕР. Закон бандита
СТАЛКЕР. Закон Черного сталкера
СТАЛКЕР. Закон Чернобыля

Автор искренне благодарит

Марию Сергееву, заведующую редакционно-издательской группой «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алекса де Клемеше, писателя и редактора направления «Фантастика» редакционно-издательской группы «Жанровая литература» издательства АСТ;

Алексея Ионова, ведущего бренд-менеджера издательства АСТ;

Олега «Фыф» Капитана, опытного сталкера-проводника по Чернобыльской зоне отчуждения за ценные советы;

Павла Мороза, администратора сайтов www.sillov.ru и www.real-street-fighting.ru;

Алексея «Мастера» Липатова, администратора тематических групп социальной сети «ВКонтакте»;

Елену Диденко, Татьяну Федорищеву, Нику Мельн, Виталия «Дальнобойщика» Павловского, Семена «Мрачного» Степанова, Сергея «Ион» Калининцева, Виталия «Винт» Лепестова, Андрея Гучкова, Владимира Николаева, Вадима Панкова, Сергея Настобурко, Ростислава Кукина, Алексея Егорова, Глеба Хапусова, Александра Елизарова, Алексея Загребельного, Татьяну «Джинни» Соколову, писательницу Ольгу Крамер, а также всех друзей социальной сети «ВКонтакте», состоящих в группе <https://vk.com/worldsillov>, за помощь в развитии проектов «СТАЛКЕР», «ГАДЖЕТ», «РОЗА МИРОВ» и «КРЕМЛЬ 2222».

Закон Чернобыля

Пуля ударила в стену возле самого лица. Кирпичные осколки больно рванули щеку, которую будто током ударило. Вниз потекло теплое, коснулось верхней губы...

– Назад, мать твою, – крикнул напарник, спрятавшийся за дверцей машины. Какой идиот-инструктор учит их подобному? Да, эти дверцы считаются бронированными, но броня там весьма хлипкая. Такую защиту шьет навывлет с десяти шагов даже пистолетная пуля со стальным сердечником. А из-за бронированного джипа работали очередями автоматы LR-300 из трех стволов.

«Толкачам» терять было нечего – на них очевидный труп, от которого не отвертеться, и минимум пятьдесят фунтов дури в багажнике. Понятное дело, они будут огрызаться до последнего патрона...

И патронов у них навалом.

Полицейская машина уже напоминала решето, и напарник, скорчившийся за дверцей, был жив лишь чудом. Он вздрагивал от каждого удара пули в свою ненадежную защиту – ведь каждый из них мог оказаться для него последним. Ну да, это только в кинобоевиках лихие полицейские храбро палят из карманной артиллерии, прячась за дверцами своих патрульных машин. В жизни их, насмотревшихся американского кино, валят как мишени в тире прямо через эти дверцы из мощного оружия, свободно продающегося на каждом углу в свободной стране.

...Горячая капля стекла с верхней губы, коснулась нижней. Во рту появился соленый привкус жидкой ржавчины. Слишком хорошо знакомый, будящий воспоминания о насквозь прокушенной губе, когда он увидел...

Дальше думать было нельзя.

Табу.

Строжайший запрет, который он поставил себе сам.

Потому что если начать думать, то красная пелена немедленно застит взгляд, а с ней и безумие хлынет в мозг кипящей волной. И черт его знает, что будет потом – страшный запой, драка в баре, больше похожая на бойню... или же ступор, когда стоишь у окна, тупо глядя в одну точку, и понимаешь – стоит лишь шевельнуться, и тебя накроет с головой волна Боли, по сравнению с которой любая физическая боль покажется величайшим благом, счастьем, кратковременным избавлением от той ужасной Боли с Большой Буквы...

В таких случаях, когда граница безумия подступала слишком близко, помогали лошадиные дозы антидепрессантов – или кварта виски, выпитая одним махом, как неприятное, но необходимое лекарство. Но сейчас у него не было с собой ни оранжевой баночки с таблетками, ни спасительной бутылки.

И тогда он сделал единственное, что могло помочь в этой ситуации...

– Не надо... – раздался за спиной голос напарника.

«Все-таки молодец он, – промелькнуло в голове. – Сам боится пошевелиться, а за старшего переживает больше, чем за себя. Будет из парня толк. Если выживет, конечно».

Он шел вперед, стреляя с двух рук чуть выше вспышек, мелькавших в разбитых окнах джипа. Без страха – он давно разучился бояться за себя, а больше было не за кого. Без эмоций – ему давно было наплевать на все, и сам он был первым в очереди тех, к кому испытывал полное равнодушие. Без мыслей – а о чем тут думать, когда все, что нужно, это нажимать на спусковые крючки, мысленно отсчитывая количество отстрелянных патронов? Несложное занятие. Чисто рефлекторное, ибо стрельба в тире была для него уже несколько лет одной из немногих отдушин, вызывавших хоть какой-то интерес...

Одна пуля разбила вдребезги рацию на плече, вторая горячо ужалила в руку. Хорошо! Физическая боль – это прекрасно! Она бодрит, заставляет измученный воспоминаниями организм осознать, что он еще жив. Но главное – она немного отодвигает назад границу безумия, за которую – чего уж скрывать – переступить совсем не хочется. Уж лучше еще одна пуля, прилетевшая в лоб. Чтоб сразу. Не мучаясь. И как знать, может, не врут священники и, может, там, за последней чертой, его и правда ждут те, кого он потерял так неожиданно и страшно...

Но сегодня был не его день. Наверно, потому, что «толкачи» просто испугались человека, спокойно идущего навстречу смерти, и не успели как следует прицелиться. А он – успел, потому что ему не мешали эмоции. И сейчас он стоял, опустив вниз руки с пустыми пистолетами, глядя на то, как из-под джипа довольно быстро вытекает кровь, крася в черно-красное опавшие листья на асфальте.

«Кому-то порвало артерию, – пришла вялая мысль. – И какие-то незнакомые женщины заплачут этой ночью. А потом, когда слезы высохнут, а воспоминания потеряют свою яркость, став похожими на выцветшие фотографии, найдут себе новых мужчин. Счастливые они – люди, не умеющие помнить долго...»

– Джек!

Он обернулся.

К нему, прихрамывая, шел напарник. Все-таки зацепило пацана. Нога наспех перебинтована выше колена, но если идет сам, то ничего страшного – просто царапина. И это хорошо, что зацепило быстро, пока парень не успел пообвыкнуться на службе, притереться к коллективу, начать считать эту работу своим призванием. Теперь или уйдет из полиции – или вырастет над прежним собой на три головы. Пуля, попавшая в тебя, всегда дарит бесценные подарки – или мгновенную смерть, или возможность понять, кто же ты есть на самом деле.

– Джек... что это было? Как это? Зачем?

Круглые глаза, трясущиеся губы, окровавленные пальцы, зажимающие рану поверх бинта. Шок. Похоже, вряд ли этот зеленый выпускник школы полиции останется служить и защищать...

Он не ответил. Дурацкие вопросы ответов не требуют. Впрочем, как и все остальные, на которые отвечать не обязательно.

– Звони диспетчеру, – коротко бросил он, меняя пустой магазин на полный. Потом посмотрел на полицейскую машину, больше напоминающую решето, и добавил. – А я, пожалуй, поеду домой на метро. Скажи нашим, что рапорт напишу завтра.

И, повернувшись, направился к ближайшей станции подземки.

Да, завтра ему непременно поставят на вид то, что он как старший пары действовал не по инструкции, не вызвал подкрепления, покинул место происшествия, и так далее, и тому подобное. А он не будет объяснять, что подкрепление все равно бы не успело и «толкачи» уже сегодня ночью растолкали бы те полсотни фунтов дури по карманам мелких оптовиков, которые немедленно отправились бы на улицы продавать отраву наркам. Матерым, которым терять уже нечего, и совсем молодым, у которых есть еще шанс соскочить с иглы.

Сегодня он увеличил эти шансы. Наверно. А если и нет – плевать. И на то, что, возможно, завтра шеф прикажет ему положить на стол полицейский значок, ибо слишком много накопилось у него подобных случаев за последние годы, и на то, что рукав потихоньку становится горячим и липким не только выше локтя, но и ниже, и на то, что люди в вагоне оборачиваются на странного полицейского с кровавым пятном на рукаве, которого это пятно ничуть не заботит.

Плевать на все.

Давно уже.

С того самого дня...

* * *

Эта картина навсегда засела в его памяти. Намертво. Говорят, что со временем воспоминания тускнеют, становятся не такими яркими и менее болезненными...

Чушь собачья.

Джек помнил все так, будто это случилось вчера...

Многие свечи уже догорели до конца, другие еще плакали воском и мигали тусклыми огоньками, слабо разгонявшими мрак, царящий в храме. Лучи рассветного солнца пока не коснулись высоких стрельчатых окон, и лишь это жалкое мерцание умирающих огарков оставалось единственным освещением.

Он шел по проходу между скамьями. Лужи крови уже успели покрыться бурой коркой и казались пятнами засохших чернил, которые кто-то в изобилии разлил по выцветшим гобеленам и полу, украшенному старинной мозаикой.

Часть трупов санитары успели снять, но три обезображенных тела еще висели на стене, мертвыми глазами следя за полицейским, идущим по проходу.

Под громадным распятием лежало что-то маленькое, накрытое куском белого полотна, наброшенного на ужасное подношение санитаром, которого не на шутку трясло от увиденного. Капля крови проступила на материи, и эта крохотная точка на снежном фоне почему-то казалась самым страшным из того океана кровавого кошмара, который сейчас властвовал в оскверненном храме. Тела на стенах, лужи засохшей крови, запах бойни в святом месте – все отходило на второй план. От крохотного красного пятнышка на белом сукне выл и рвался наружу разум, оно притягивало взгляд, оно завораживало и тащило за собой туда, за границу жизни, во мрак и холод, где царствуют, обнявшись ледяными руками, две сестры – смерть и безумие.

Джек медленно подошел к подножию гигантского распятия. Первый лучик солнца коснулся деревянного лика Христа, и, казалось, Господь изменился в лице и в ужасе прикрыл глаза, когда отец стянул окровавленное покрывало с изуродованного тельца собственной дочери.

Он неторопливо опустил на колени и наклонился над трупом. Большой розовый бант в тоненькой косичке был помят и раздавлен, и Джек начал осторожно расправлять его. В широко открытых глазах полицейского плескалось безумие, а губы шептали, шептали, шептали...

– Где же ты помяла свой бантик, малышка? Я оставил тебя всего на сутки, а ты уже успела так испачкаться... И что ты здесь делаешь? Пойдем отсюда, здесь темно и холодно... Здесь очень холодно. Ты чувствуешь, детка? Не бойся, папка теперь с тобой. Он всегда будет с тобой, моя девочка.

Он осторожно взял окровавленное тельце ребенка с огромного серебряного блюда и начал его баюкать у себя на груди, пачкая кровавыми разводами форменную рубашку.

– Это все оттого, что я не помолился за тебя в тот вечер, помнишь? Когда я выгнал пастора Мэтью. А вот и он... И мама...

Джек кивнул на распятые тела.

– Они не обиделись, правда ведь... Эй, вы ведь не обиделись? Нет? Ну вот и хорошо.

Зашипела и погасла последняя свеча. Лучи наконец-то взошедшего солнца заплясали на полу в веселом хороводе. Свет ударил в глаза Томпсона, и он на секунду зажмурился.

Свет...

Яркие лучи упали на его лицо, и безумие, уже сжимающее в своих страшных объятиях разум человека, дрогнуло и отступило. Теперь в его глазах была только невыразимая боль и кипящая ярость. Рывком он вскочил на ноги и обратил мертвое лицо ребенка к деревянному лику Христа:

– Ты видишь это? Где же ты был тогда, в ту минуту?! Зачем ты нужен мне, идол, когда в твоём храме *так* умерла моя дочь?

Распятый Бог молча висел на своей крестовине, и лишь маленькая нарисованная слеза стекала по потемневшей от времени щеке...

Лучше бы он сошел с ума в тот день. Или застрелился. Но спасительное безумие не наступило, а пустить пулю в лоб не дали друзья-полицейские. И это хорошо. Потому что горе утраты очень быстро сменилось жаждой мести. Той, что ломает любые преграды на пути к цели...

И он отомстил. Ценой невероятных усилий достиг далекой России, нашел убийцу жены и дочери – и поступил по справедливости¹. Так, как было нужно поступить.

После этого стало немного легче...

Но ненадолго.

Он вернулся домой, в Америку, начал работать снова. Служба в полиции – хорошее лекарство для того, чтобы отвлечься от мыслей – слишком страшных для того, чтобы переживать их в одиночку.

Правда, лекарство, действующее очень временно...

Ведь после работы были долгие вечера одиночества – и ночи, когда к нему приходили сны. Горящие красным пламенем глаза той твари, что он убил. И та сцена в храме – яркая, в деталях.

Гораздо более страшная, чем все чудовища на свете.

Что его удерживало на этом свете? На этот вопрос Джек Томпсон не мог ответить даже сам себе. Привычка жить? Не исключено. А может, возможность вечерами пересматривать видеозаписи из семейного архива, где жена и дочь живы, смеются, машут ему руками с экрана. Смотреть – и перебирать бесценные реликвии. Тот самый бант дочери с темной каплей засохшей крови на нем, и прядь волос жены, которую он отрезал во время прощания у гроба.

Внешне Джек никогда не показывал, что творится у него на душе. На работе – особенно. Иначе б начальство замучило навязанными походами к полицейскому психологу, а товарищи по работе – сочувственными взглядами, заставляющими ощущать себя больным, от которого боятся заразиться. О чем-то догадывался лишь старый друг Билл, который однажды подошел к нему, положил руку на плечо и сказал:

– Отпусти их, старина. Если там после смерти что-то есть, им будет легче. Прикинь, каково им оттуда смотреть, как ты мучаешься.

Джек тогда стряхнул с плеча громадную лапищу коллеги и сказал:

– С чего ты взял, что я мучаюсь? Я просто жду.

– Чего? – нахмурился Билли. – Смерти?

– Нет, – покачал головой Томпсон.

– А чего тогда?

Джек не нашелся, что ответить. Он и сам не знал, чего ждет, потому тогда просто развернулся и ушел. Когда нет ответа, это самое лучшее, что можно сделать. Но чувство ожидания, словно крохотный огонек, тлеющий на огромном черном пожарище, не проходило. Может, лишь благодаря ему Томпсон все еще жил, глуша тоску по вечерам алкоголем и таблетками – и надеясь. Это свойственно людям: жить надеждой, даже понимая, что надеяться не на что...

Вот и сейчас он перешагнул порог своей опостылевшей квартиры, на автомате включил телевизор, сел на диван и принялся работать челюстями, механически перемалывая зубами гамбургер, купленный возле выхода из метро.

Все как всегда.

Каждый вечер был похож на предыдущий. Сначала невкусная опостылевшая еда, телевизор с невкусными и опостылевшими передачами, а после – достать из ящика стола коробку с

¹ События романа «Закон проклятого», первой книги о Снайпере литературной серии «Сталкер».

реликвиями и вспоминать, не стесняясь слез, текущих по щекам, – до тех пор, пока усталость не возьмет свое и не вырубит его нокаутирующим ударом, словно хорошо тренированный боксер.

Обычно он не вникал в смысл происходящего на экране. Так, картинки, мелькающие перед глазами, и звуковой фон, забивающий сознание, позволяющий хоть какое-то время не думать.

Но сейчас его отвлекла боль. Заныла раненая рука, о которой он просто забыл.

Томпсон снял рубашку. Ну да, просто царапина. Пуля вспорола кожу, но это ерунда, заживет. Если бы душевные раны заживали так же быстро, как пулевые, жизнь была бы гораздо проще...

У хорошего полицейского аптечка всегда под рукой. Спирт рванул рану новой волной боли, которая донесла до мозга равнодушный голос телевизионного диктора, рассказывающего о последних новостях:

– ...еще одним кандидатом на Нобелевскую премию по медицине может стать украинский ученый академик Захаров. Наш канал располагает сведениями, что он изобрел технологию восстановления мертвых организмов по одной-единственной клетке. Согласно исследованиям Захарова, каждая клетка несет информацию о всем теле, которой достаточно для того, чтобы вернуть к жизни давно умерших. Однако пока что невозможно проверить, насколько верны эти сведения, так как академик живет и работает в самом сердце аномальной Чернобыльской зоны, которая всеми учеными мира единогласно признана самой опасной из существующих...

Джек Томпсон на мгновение замер, осознавая услышанное. После чего неторопливо зафиксировал бинт на руке, выбросил в мусорное ведро окровавленную рубашку, взял из шкафа новую – и оделся по полной форме, словно собирался в Белый дом на награждение «Медалью доблести».

Из зеркала на него глянул угрюмый крупный мужчина с плечами профессионального футболиста и глазами то ли маньяка из фильма ужасов, то ли ветерана «Зеленых беретов», годами не вылезающего из горячих точек. Есть такая категория людей, во взгляде которых нет жизни. Их глаза похожи на вставленные в глазницы стеклянные шарики с нарисованными зрачками. С такими людьми никто не любит общаться, так как никогда не знаешь, что можно от них ожидать. Но в то же время их ценят в армии и в полиции за одно простое качество, которое не встречается у обычных живых людей.

Эти типы со стеклянными глазами не боятся смерти. Им все равно – жить или умереть. Их можно посылать на самые опасные задания – и они выполняют их без эмоций, четко и равнодушно, как машины, которые не знают, что такое трясущиеся от страха руки, ватные ноги и холодный, липкий пот, который заливает глаза, мешая как следует прицелиться.

Он не всегда был таким, образцовый полицейский Джек Томпсон. Но смерть близких изменила его – покалечила, разорвала на куски душу, а потом слепила из нее чудовище, равнодушное как к своей жизни, так и к чужим.

И изменить это могло лишь одно.

Чудо, которых, как известно, не бывает...

Но говорят, что если очень сильно чего-то желать, иногда чудеса случаются. Потому Джек Томпсон гнал сейчас свой автомобиль к полицейскому участку, хотя и не собирался возвращаться туда сегодня.

* * *

Шеф Джонсон был не в духе. Еще бы – сегодня вечером он забронировал столик в ресторане, собираясь отметить там с семьей поступление старшей дочери в колледж. Но, похоже, этот рабочий день не собирался заканчиваться. Убийство трех крупных «толкачей», машина

которых была начинена наркотиками, как рождественский гусь яблоками, взбудоражило не только журналистов.

Только что из его кабинета вышел сотрудник ФБР с глазами как у несвежей макрели, который в красках расписал, как его контора вела этих «толкачей» томительные месяцы и как какой-то лейтенант в одну минуту разрушил их грандиозные планы из своего «девятьсот одиннадцатого». Интересно, с каких это пор федералы поднюхивают за «толкачами»? И если даже поднюхивают – какого дьявола не пресекают, позволяя этим подонкам накачивать дурью малолеток на улицах?

Впрочем, это все было в голове у шефа полиции. Говорил он совершенно другое – то, что положено говорить в таких случаях чтобы не вылететь из удобного кожаного кресла, которое за эти годы приняло форму его тела. Работа есть работа, и то, что ты думаешь, никого не волнует. Важно лишь что ты говоришь и делаешь. И шеф говорил о том, что непременно разберется в случившемся и конечно накажет лейтенанта, который посмел помешать работе ФБР.

Представитель могущественной государственной конторы удалился с важным видом. Шеф посмотрел на дверь, закрывшуюся за спиной федерала, скривился, словно от горькой таблетки, и по селектору приказал секретарше больше никого к нему не впускать, после чего, покосившись на часы, начал прикидывать, как бы ему прорваться через толпу журналистов, осадивших выход из участка. Время поджимало, и жена с дочерью точно не простили бы опоздания...

За дверью послышался беспомощный писк секретарши, несмотря на который дверь распахнулась и на пороге кабинета появился виновник происшествия – как ни странно, в парадной форме, на которой висела дюжина наград за доблесть и многолетнюю образцовую службу.

Шеф открыл было рот, чтобы высказать нахальному лейтенанту все, что о нем думает, но позвякивание медалей его слегка смутило, ибо у него самого их было примерно вдвое меньше. Поэтому вместо того, чтобы учинить подчиненному разнос, шеф буркнул:

– Чего тебе? Решил лично доложить, какого дьявола ты расстрелял «толкачей», которых пасло ФБР?

– На них не было написано, что они подопытные зверюшки федералов, – ровно ответил Томпсон. – Они убили парня на заправке, мы бросились в погоню, и сегодня нам с напарником просто повезло больше, чем им.

Шеф полиции вздохнул.

– Как будто я, черт побери, этого не знаю. Но ты же в курсе, что нынешние либеральные правители штата косо смотрят на тех полицейских, что затевают стрельбу на улицах. В их понимании мы должны перевоспитывать «толкачей», записывая их в клуб анонимных наркочилеров вместо того, чтобы отрубать им руки, которыми они впихивают дурь всяким идиотам. Знаешь, в другое время я бы представил тебя к награде, но сейчас в эту историю вписались федералы, поэтому...

– Я готов, – сказал Томпсон, кладя на стол полицейский значок и табельное оружие. – Рапорт сейчас напишу, если дадите бумагу и ручку.

– погоди, – поморщился шеф полиции. – Ты ж понимаешь, наши парни мне не простят, если я тебя уволю, хотя грешков у тебя за последнее время накопилось немало. Ты хороший парень, Джек, и такими сотрудниками я не разбрасываюсь. Поэтому забирай свой значок со стволом и двигай в отпуск, пока не уляжется вся эта шумиха вместе с вздыбленной шерстью на загривке у ФБР. Думаю, месяца тебе хватит, чтобы отдохнуть. И мне этого времени вполне хватит, чтобы замять дело.

Томпсон кивнул, забрал значок с пистолетом и направился к выходу. Но, не дойдя до двери двух шагов, обернулся и сказал:

– Спасибо.

– Не за что, – махнул рукой шеф. – А все эти свои награды ты напялил для того, чтобы меня потом совесть мучила на тему, какого бравого полицейского я уволил?

– Нет, – пожал плечами лейтенант. – Просто в торжественных случаях нам положено надевать парадную форму.

– И что же сейчас за торжественный случай? – приподнял брови шеф полиции.

– Похороны моей прежней жизни, – ответил Джек Томпсон.

И вышел за дверь.

* * *

Они шли цепью. Фигуры в новейших камуфлированных армейских экзоскелетах с сине-желтым значком на рукаве и пулеметами в руках. Штурмовой полк Службы безопасности Украины, специально сформированный для зачистки Зоны от преступного элемента.

Вчера они обработали Вильчу, небольшой заброшенный городок на территории чернобыльской Зоны. До недавнего времени там была основная база Волка, командира западной группировки армейских сталкеров. Обычно «армы» тесно сотрудничают с подразделениями Объединенных сил независимых государств, охраняющих Зону от незаконного проникновения нежелательных посетителей с Большой земли. Но Волк обладал крутым нравом, и недавно его задолбало отстегивать воякам больше половины навару с каждого артефакта, найденного в Зоне или отжатого у сталкеров.

В результате он послал на три буквы куратора ОСНГ, личным пинком придав ему ускорение в сторону КПП кордона, находящегося неподалеку от Вильчи.

И это было ошибкой.

Волк считал свою базу неприступной, потратив на ее укрепление немало сил, времени и денег – и сильно просчитался.

Куратора он выпер вечером, а с восходом солнца на городок обрушился огненный шквал. Вояки подогнали к кордону пару «Бастиионов» и дали всего один залп осколочно-фугасными, в результате чего из двухсот бойцов Волка в живых осталась лишь половина – и то лишь потому, что казармы со спальными местами были оборудованы в подвалах домов, чтоб в случае выброса спящих не накрыло смертоносным излучением.

О сопротивлении не могло быть и речи. В рассветном воздухе уже слышался рокот вертолетов, а это значило, что сейчас Вильчу начнут прочесывать из пулеметов с воздуха. И Волк дал команду отступать через тоннели, которыми Зона под землей была прошита насквозь, словно гроб в могиле, облюбованной термитами.

Уходили в спешке, оставив тяжелораненых, – иначе остальных было не спасти. И это оказалось верным решением. Вояки не стали возиться, вычищая мятежный городок пулеметным огнем, а просто залили его напалмом с вертолетов. Внезапно в тоннеле, которым уходили «армы», стало невыносимо жарко – и все поняли, что это значит.

– Упокой их Зона, – прохрипел Гудрон, заместитель Волка – паталогически жестокий тип, получивший свое прозвище за привычку заливать в рот неразговорчивых «языков» жидкий гудрон через воронку, а потом его поджигать. Глядя, как человек, корчась, выгорает изнутри, остальные героически молчащие пленные обычно начинали тут же выдавать необходимые сведения, стараясь перекричать друг друга.

Однако, несмотря на садистские наклонности, Гудрон был отличным бойцом и командиром. И из тоннеля с дымящимися стенами вышел последним, держа в руке связку окровавленных армейских жетонов, которые он собрал с раненых.

– Зачем? – сквозь стиснутые зубы бросил Волк.

– Их похоронить не удалось, – рыкнул Гудрон. – Так хоть жетоны в память о них похороним.

Волк кивнул, мысленно матеря себя на чем свет стоит.

Он никак не ожидал, что вояки из ОСНГ столь жестко отреагируют на его выходку. Волк был уверен, что они начнут переговоры, в результате которых можно было бы добиться лучших финансовых условий для группировки. Но, видимо, военным больше нужна была показательная акция на тему «что бывает с теми, кто осмелится выпендриваться».

И они ее провели, хотя, на взгляд Волка, немного тупо – проще было, наверно, сразу залить Вильчу напалмом, чтоб никто не ушел. Но, может, вояки опасались за свои вертолеты, которые могли сбить караульные «армы» на вышках из своих РПГ. Или же им нужны были выжившие, которые разнесут по Зоне весть о произошедшем. Карательная акция в воспитательных целях – это вполне в духе вояк, в душе презиравших «армов» даже больше, чем обыкновенных сталкеров. Еще бы! Их же собратья по оружию в какой-то момент решили, что им недостаточно платят в ОСНГ, и, разорвав контракт, подались в Зону за длинным деревянным рублем. Таких вдвойне приятно мочить без жалости и сострадания, как только на то поступит приказ от начальства...

За ними никто не гнался. Вояки не идиоты соваться в старые тоннели, что ведут вглубь Зоны. Если не знать путь, то это верная смерть – или от пули врага, засевшего за поворотом, или от челюстей мутанта, или от голода. Поговаривали, что новичков Зона часто морочит, водит кругами, пока те не лишатся последних сил и не умрут, отдав Зоне тело и душу. А что еще ожидать от тридцатикилометровой аномалии, с высоты птичьего полета напоминающей грязно-желтое, ржавое пятно на теле планеты?

Но Волк с Гудроном путь знали и уверенно вели остатки группировки. Над головами тускло мерцали «вечные лампочки», под ногами хлюпала грязная вода, что вечно скапливается в подземельях, от бетонных стен тянуло сыростью и гнилью. Та еще обстановка, не добавляющая оптимизма.

Потому не удивительно, что злые и уставшие бойцы начали ворчать. Сначала тихо, потом все громче. Наконец один не выдержал:

– Долго еще? Может, лучше нам было быстро сдохнуть там, в Вильче, чем идти на верную смерть в центр Зоны?

Волк обернулся, равнодушно посмотрел в глаза говорившему, после чего молниеносно выхватил из ножен боевой нож с характерным названием «Каратель» и одним ударом рассек шею говорливого бойца от уха до уха.

Кровь из вскрытых артерий хлестанула фонтаном, но опытный в таких делах Волк качнулся в сторону и толкнул падающее тело на стену – по которой умирающий и сполз вниз, булькая разрезанным горлом, словно пытаясь напоследок что-то сказать.

Волк же резким движением стряхнул кровь с ножа, сунул его обратно в ножны и равнодушно произнес:

– Отвечаю на поставленный вопрос. Идти осталось недолго. И сдохнуть в Вильче было не лучше. Хотя, если кто-то считает, что лучше, может развернуться и идти обратно. Еще вопросы будут?

Вопросов не было, лишь Гудрон криво усмехнулся уголком рта и одобрительно кивнул.

– Ну, если всем все ясно, шагом марш за мной, – сказал Волк. И пошел, сверяясь с незаметными знаками и отметинами, которые он сам и оставил в этом тоннеле, чтобы не заблудиться в его многочисленных ответвлениях.

У любого хорошего командира должен быть схрон. Даже если ничего не предвещает беды и все везде схвачено. В идеале не просто схрон, а вполне себе полноценная база, где можно укрыться, переждать беду, отдохнуть, поднакопить сил – и отомстить тем, кто ту беду навлек. Отомстить решительно и страшно, чтоб уроды в погонах навсегда запомнили, чем чревато наезжать на группировку армейских сталкеров.

Когда-то это была лаборатория, которых в подземельях Зоны не счесть. Некоторые из них законсервированы наглухо, так, что без динамита не вскрыть. Но с динамитом – опасно, может завалить, потому такие лаборатории обычно никто не трогает. Другие – брошенные открытыми, и из этих мародерами разворовано все, что можно и что нельзя.

Но бывают и третьи. Оккупированные либо мутантами, либо аномалиями. В такие тоже стараются не соваться. В научных лабораториях обычно нет ничего особо интересного для любителей легкой наживы. Когда из подземелий Зоны уходили ученые, они обычно уносили с собой все ценное, и потому не много было желающих рисковать жизнью ради десятка пустых стеклянных колб и кучи ржавых приборов непонятного назначения.

Но Волку, который тогда еще не был командиром группировки армейских сталкеров и работал на правительство, в тот день повезло – хотя поначалу он думал, что наоборот.

Диверсионно-разведывательная группа из пяти человек, которой он командовал, получила задание: взорвать восточный тоннель, откуда порой вылезали стаи мутантов и атаковали КПП. Неприятная это, конечно, тема для тех, кто охраняет кордон, – лезть в Зону, да еще к тому же и подземную. Но ДРГ для того и держали в Приграничье, чтобы решать подобные задачи. В общем, приказ есть приказ, и группа выдвинулась на задание.

Вход в подземные тоннели находился в старой котельной городка Вильча, провалившиеся крыши которого были прекрасно видны с наблюдательных вышек кордона. Просто заходишь в кирпичное здание, с которого штукатурка во многих местах отвалилась кусками, как кожа с разложившегося покойника, – а там в бетонном полу дыра. Провал в преисподнюю, которую кто-то для смягчения шокирующего эффекта назвал «подземной Зоной».

Разведчики спустились вниз по веревочной лестнице, одного оставили наверху ту лестницу сторожить, потому как без нее назад не выбраться, – и пошли цепочкой, подсвечивая путь фонарями, прижатыми к затюнингованным автоматам с планками Пикатинни, спортивными прикладами, увеличенными магазинами, подствольными гранатометами и другими прибабасами, столь любимыми диверсантами, для которых качественное оружие не прихоть, а возможность пожить в Зоне чуть дольше, чем остальные, у кого такого оружия нет.

Карта подземных тоннелей, которую им выдали, была старой, датированной тысяча девятьсот восемьдесят вторым годом. Но это командира диверсионно-разведывательной группы не особо парило. Какая разница, старая она или новая? Сами тоннели-то никуда не делись за это время, и геометрию свою не изменили...

Так Волк думал.

На деле все оказалось иначе.

Задача была простая – отойти на полкилометра, чтоб от взрывной волны старая котельная не рухнула в провал, отрезав путь назад. Потом заложить динамит, вернуться в точку входа, таща за собой провод, ведущий к взрывателю, и оттуда произвести подрыв. Проверить, нормально ли завалило проблемный тоннель, вернуться, доложить. Все.

Однако сложности начались на полпути к точке, отмеченной на карте подземелий красным крестом. Неожиданно тоннель повернул влево, хотя на карте никаких поворотов не было. Потом направо и почти сразу – снова налево.

– Что за черт? – поморщился Волк, ткнув пальцем в карту. – Тут ясно обозначен прямой коридор.

Дрон, заместитель Волка, который немногим позже получит позывной Гудрон, пожал плечами.

– Это Зона, командир, – сказал он. – Тут всякое может случиться.

– Не люблю я универсальных объяснений типа «на все воля Зоны», – проворчал Волк, пряча карту во внутренний карман куртки. – Ладно, пошли уже. Думаю, еще метров сто пятьдесят – и нормально, можно будет закладку делать. Эти повороты должны погасить взрывную волну.

– «Должны» здесь ключевое, – буркнул зам. Но спорить не стал. Ему самому было не по себе от этих сырых бетонных коридоров со стенами, из стыков плит которых торчали узловатые корни деревьев, похожие на щупальца чудовищ. Причем с каждым шагом чувство опасности нарастало...

Она открылась за следующим поворотом, словно дверь в преисподнюю. Прямо в бетонную стену были врезаны бронированные ворота, высотой от пола до потолка. Зачем потребовалось городить эдакую преграду, непонятно, тем более что не спасла она от беды. Одна из створок была буквально разорвана изнутри. Острые края огромной дыры изгибались наружу, в коридор, напоминая вывороченные из десен зубы гигантского чудовища.

– Твою ж душу, – растерянно проговорил один из бойцов с позывным Горын. Его он получил за шеврон с изображением огнедышащего трехглавого змея, который тайком хранил в нагрудном кармане – вероятно, память о неких загадочных войсках, в которых боец когда-то служил и о которых никому никогда не рассказывал. – Это что ж такое оттуда изнутри вырвалось?

– Что-то способное порвать десятисантиметровый броневой лист словно картонку, – задумчиво проговорил Волк. – Думаю, оттуда мутанты и лезут.

– Может, то повод плюнуть на все и уйти? – осторожно предположил Горын. – Думаю, всемером мы с такой тварью точно не справимся.

– Думаю здесь я, – жестко проговорил Волк. – Надо понять, что это за хрень такая, иначе однажды очередная волна мутнов сметет наш КПП. Кто боится, может остаться снаружи. А я пошел туда.

– Все боятся, – хмыкнул Дрон. – Но я с тобой, командир.

Больше желающих лезть в жуткую дыру не нашлось. Но это Волка не особо волновало. В крови у него бурлил адреналин, бесшабашная ярость стучала в висках в такт учащенному пульсу, но тренированное тело действовало четко и слаженно.

– Оставаться здесь, стеречь вход, – отрывисто приказал он.

Если бойцы трусили, то лучше дать им задание. Любое, пусть даже совершенно бесполезное. Чисто чтоб в голову к ним дурные мысли не лезли по поводу собственной слабости. Потому что трусивший вооруженный воин с дурью в башке совершенно непредсказуем и может наворотить такого, что потом хрен разгребешь последствия.

Нырнув в дыру, что была высотой метра два, Волк сместился вправо, отметив боковым зрением, что напарник сделал то же самое, только уйдя влево. Нормально. Хорошо, когда подчиненные тебя понимают без слов. Вернее, один из них, но и это в бою уже немало.

Внутри помещения царил полумрак, очень слабо рассеиваемый тусклым светом нескольких «вечных лампочек», горящих под высоким потолком. Видны были лишь силуэты огромных сооружений, похожих на цистерны с переплетением труб над ними. Вдобавок к фонарю на автомате Волк врубил еще и налобный, но это мало помогло. Ну пол увидел, выщербленный, словно по нему из гранатомета лупили. И все, пожалуй.

– Ну и вонища, – прохрипел слева зам.

И правда, смрад здесь стоял нехилый. Кислая вонь разлагающегося дерьма, замешанная на специфическом запахе засохшей крови. Но и то и другое воняет не больше месяца, после чего высыхает совсем и перестает источать тошнотворные миазмы. То есть гадили тут и проливали кровь относительно недавно...

И тут размышления Волка прервал удар, от которого он едва устоял на ногах. Содрогнулся пол, словно на него с потолка танк сбросили.

Волк резко развернулся на звук... и замер от неожиданности. Потому что ничего подобного он никогда не видел.

Луч налобного фонаря выхватил из мрака нечто кошмарное. Прямо на Волка медленно надвигалась огромная туша на двух мощных ногах... а может, руках, потому что еще две недо-

развитые конечности безвольно болтались по бокам туши. В высоту тварь была около трех метров, глазки маленькие и вылупленные, вместо носа нарост, похожий на обрубленный хобот, бровей нет, вместо рта – зубастая щель под «носом» без намека на губы...

Тем не менее, когда в Зоне на тебя движется эдакое чудище, тормозить явно не стоит. Волк полоснул по монстру из автомата, прыгнул в сторону, но тварь среагировала довольно шустро. Пули, похоже, не причинили ей особого беспокойства, только разозлили. Она прыгнула, оттолкнувшись от пола обеими лапами, и приземлилась, отчего пол вновь содрогнулся.

– Да что же ты такое! – прорычал Волк, стреляя и стараясь попасть по глазам чудовища – правда, когда в темноте мушку не видать, сделать это непросто.

«Эх, хотел же ее люминесцентным лаком подкрасить», – совершенно не к месту пришла покаянная мысль...

Но потом стало не до размышлений.

Зам тоже стрелял, и также безрезультатно. Почти. Похоже одна его короткая очередь все же залетела в разинутую пасть твари, и ей это не понравилось. Теперь, раззявив зубастый хавальник еще шире, чудовище целенаправленно ринулось за метким стрелком, и сделала это довольно удачно, загнав его в нишу между цистернами. Отрезав Дрону путь к отступлению, тварь растопырила свои недоразвитые конечности и в следующую секунду точно бы перекусила зама пополам, если б Волк, бросив автомат, не проделал следующий трюк.

Сорвав с плеча рюкзак, он с разбегу прыгнул, крутанувшись винтом в воздухе, перевернулся на спину, грохнулся лопатками об пол, проехался по нему с метр между ногами монстра – и, оказавшись прямо под его челюстью, провисшей чуть не до пола, швырнул в нее рюкзак.

Почувствовав языком и небом нечто увесистое, тварь недоуменно захлопнула челюсть, пытаясь сообразить: неужто добыча сама в пасть прыгнула, чтоб не мучиться?

Но как следует поразмыслить Волк ей не дал. Выдернув из нагрудного кармана небольшой пульт, боец движением большого пальца откинул красный предохранительный колпачок и с силой вдавил единственную кнопку.

Раздался громкий хлопок, и в следующую секунду на Волка с Дроном хлынул поток вонючей жижи, ибо ужасный монстр взорвался, словно гнилой помидор, по которому со всей дури ударили подошвой сапога.

Дрон утер лицо рукавом, правда, помогло это мало. Но хоть с губ ошметок осклизлой плоти убрал. После чего произнес с душой:

– Твою... ж мать!

– И не говори, – сказал Волк, поднимаясь с пола. – Поэтому я всегда на себе взрывчатку и ношу. Командиру всяко виднее, как ею распорядиться.

– Благодарю, – кивнул Дрон. – Век не забуду.

– Мля, щас расплачусь, – скривился Волк. – Ненавижу эти сопли признательности. Мы на войне с Зоной, солдат. Сегодня я тебя прикрыл, завтра ты меня. И в итоге никто никому ничего не должен. Такой вот простой закон Чернобыля. Усек?

– Так точно, – хмыкнул Дрон. – Жаль только, что ты на меня взрывчатку потратил. Теперь придется возвращаться, не выполнив задание.

– Если б не потратил, не вернулись бы оба, – резонно заметил Волк. – Только интересно мне, что же это за тварь такая.

Он кивнул на останки чудовища.

– А мне интересно другое, – задумчиво проговорил Дрон, направив снабженный фонарем автомат вниз, немного левее развороченной туши мутанта.

Некогда пол помещения был выстлан советской красной плиткой. Которая от времени и прыжков многотонного мутанта изрядно потрескалась, местами вообще раскрошившись в пыль. А один отлично сохранившийся блок из шестнадцати плиток то ли от взрыва, то ли

от падения останков огромной твари вообще вывернуло из пола, в результате чего от встал вертикально, углом провалившись в какую-то дыру.

Волк хмыкнул, подошел поближе.

– Вон оно как, – сказал он, взглядевшись. – Это, по ходу, металлический люк, на котором очень хорошей краской нарисована плитка. Ну-ка, что тут у нас?

Он закинул автомат за спину, присел, взялся за края люка и на выдохе выдернул его из пола. Отбросил в сторону, осветил фонарем в квадратную дыру, сунул туда руку – и вытащил черный плоский чемодан, который в СССР называли дипломатом.

– Ишь ты, ученые схрон заделали прям в лаборатории, – покачал головой Дрон. – Интересно, что там?

– Думаю, секретные документы, которые сейчас уже макулатура, – сказал Волк, сворачивая замки дипломата широким боевым ножом.

И ошибся.

В дипломате лежали пачки американских стодолларовых купюр, перетянутые черными советскими резинками. Причем чемодан был забит ими под завязку.

– Хммм, – задумчиво произнес Дрон. – Молодцы чернобыльские ученые, не терялись. Где-то я слышал, что в обычный дипломат влезало около семисот тысяч долларов. Этот нестандартный, толстый, так что, думаю, здесь больше миллиона.

– Все равно макулатура, – скривился Волк. – Они семидесятых годов выпуска. Хотя и в хорошем состоянии, ни один банк их не примет.

– Украинский банк, – уточнил Дрон. – И то не факт, могут и взять. А на северном кордоне, который стережет американский спецназ, примут без проблем. Как и в США, кстати. Это только у нас присутствует дурь насчет того, чтоб старые баксы не принимать. В Америке, если мне память не изменяет, нет никаких проблем с купюрами от тысяча девятьсот двадцать восьмого года. А если попадутся выпущенные ранее в хорошем состоянии, то коллекционеры с радостью возьмут их по цене выше номинала.

И заметив, как рука Волка непроизвольно поплотнее сжала рукоятку ножа, добавил:

– Это все твое, командир. Ты тварь завалил, ты схрон вскрыл, так что моей доли тут нет. Более того, у меня есть свой канал связи с амерами северной Стены, так что, если хочешь, помогу через них свалить из этой радиоактивной помойки через океан, под крылышко Дяди Сэма.

Волк замер на мгновение, обдумав услышанное, после чего сунул нож в ножны и сказал:

– Не вариант. Лям зелени в Штатах – это, конечно, деньги, но не особо большие. А здесь с таким стартовым капиталом мы поднимем намного больше. Столько, чтоб нам до конца жизни хватило в любой точке мира и сыновьям с внуками осталось. И я даже знаю, кто нам в этом поможет.

– Я с тобой, командир, – сказал Дрон.

И, вскинув автомат, дал короткую очередь.

«Эх, надо было валить его первым...» – подумал Волк. И удивился, что смог переварить такую длинную мысль, поймав тушкой минимум шесть пуль, которые с такого расстояния шьют навывлет.

Но боли не было. Зато позади него что-то смачно шлепнулось на пол.

Поняв, что Дрон стрелял не в него, Волк обернулся.

На разбитом полу, разбрызгивая во все стороны черную кровь, билась отвратного вида существо, похожее на летучую мышь с суставчатым скорпионьим хвостом, на конце которого торчало жало, напоминающее небольшой кинжал.

– По ходу, тут есть нечто, генерирующее мутантов, – сказал Дрон, меняя магазин. – И, судя по гудению, оно в соседнем зале.

Глаза бойцов уже немного привыкли к тусклому свету «вечных лампочек», а уши – к звенящей тишине, которая обычно еще долго вибрирует в ушах после перестрелки в помещении. Но оба они сейчас поняли, что слышат не только ее, но и какое-то слабое гудение там, за огромными то ли колоннами, то ли перегонными установками, что торчали тут и там, переви-тые стальными лестницами. И от этого гудения мелко дрожат не только барабанные перепонки, но и все тело. Будто скелет вибрирует, того и гляди плоть с него отваливаться начнет кусками, как гнилая одежда с пугала.

Не стовариваясь, бойцы двинулись на звук. Завернули за колонну – и увидели.

Над разбитым полом дрожал воздух, словно какой-то волшебник поставил вертикально нереально прозрачное озерцо и швырнул в него огромный камень. От центра невиданной аномалии во все стороны расходились полупрозрачные круги, а из ее середины лезло наружу нечто, напоминающее большое, бесформенное, черное облако. Корявая тень другого мира, гигантская амеба, зачем-то решившая проникнуть в нашу вселенную.

Причем она была неоднородной! Внутри бесформенного образования, угрожающе шевелящего ложноножками и силящегося вылезти наружу через тесный портал, явно просматривалось что-то типа ядра. И похоже это ядро было на четырехконечную звезду...

– Ишь ты, гнида какая отвратная, – сказал Дрон, снимая с плеч рюкзак и доставая оттуда четыре продолговатых предмета, смотанных вместе синей изоляцией. Волку было достаточно одного взгляда, дабы понять, что это такое. Тетритол, взрывчатка американского инженерного корпуса, один блок которой равен почти полутора килограммам тротила. Получается, Дрон где-то нарыл дефицитный боеприпас и, ничего не сказав командиру, тащил его с собой. Спрашивается, зачем?

Словно отвечая на немой вопрос Волка, Дрон пожал плечами.

– А почему бы и нет? Видишь – пригодились.

После чего метнул связку прямо в портал над головой твари, лезущей из него. И, перехватив удивленный взгляд командира, не увидевшего пульта в руках заместителя, сказал:

– Я предпочитаю промежуточные тетриловые детонаторы, которые подрывают заряд при воздействии пламени, сильных ударов и простреле заряда пулей.

Проговаривая все это, Дрон достал из кармана рюкзака бронеконтейнер для артефактов, открыл его...

– Ну твою же мать... – скривился Волк, падая на пол животом на вскрытый чемодан и одновременно прикрывая голову руками. А Дрон щелкнул пальцем по содержимому контейнера, напоминающему крупное спящее насекомое, схватил его и с силой швырнул туда же, в портал... после чего шустро повторил действия командира, упав на пол, но при этом еще и закрыв уши ладонями.

Тварь, пытающаяся выбраться из портала, почти добилась успеха. Но «почти» – это не успех...

Белая вспышка ударила сзади...

Пришельца из иного мира вышибло из портала, словно пробку из бутылки шампанского. Пролетев метров тридцать через весь зал, он со страшной силой врезался в противоположную стену. Биоскафандр лопнул, словно мыльный пузырь, и на стене осталось лишь большое пятно черно-желтой крови, медленно и тягуче стекающей вниз.

...Волк поднялся на ноги, кривясь от боли в ушах. Редчайший артефакт «Муха» он видел лишь однажды, в методичке по Зоне. Там было сказано, что этот арт при активации обладает колоссальной разрушительной мощностью. И больше ничего. Блин, хорошо, что взрывной волной барабанные перепонки не порвало. Но голова все равно гудит, словно колокол, по которому долбанули кувалдой.

Но все это вполне можно пережить, не впервой было Волку принимать башкой легкую контузию. Главное, что на месте портала осталось лишь темное пятно, напоминающее большую гравитационную ловушку.

– Вот и зашибись, – сказал Дрон. – Больше никакая тварюга оттуда не вылезет. Получается, мы и задание выполнили, и, как это ни странно, живы остались.

– Ага, мы выполнили, – поморщился Волк от разом накатившей головной боли. – Особенно я его круто выполнил, пузом бабло прикрывая.

– Не надо так, командир, – покачал головой Дрон. – Если б ты мою шкуру не спас, некому было бы задание выполнять. Так что это наша общая заслуга...

– У тебя теперь по ходу рюкзак пустой, – перебил его Волк. – Давай-ка в него бабло сложим, и пора уже возвращаться.

Запихнув деньги в рюкзак Дрона, бойцы двинулись к выходу.

– Дай-ка я первым пойду, командир, – сказал Дрон.

Бойцы стояли там, где им приказал стоять Волк. При виде живого начальства их лица расплылись в облегченных улыбках.

– Живые! – радостно прогудел Горын.

– Ага, – равнодушно отозвался Дрон. И быстро, от бедра дал длинную очередь, словно в упор водой из пожарного шланга полил.

Стрелял заместитель командира отменно. Пули раскроили черепа бойцов, которые попадали друг на друга словно снопы. Никто из них даже понять не успел, что происходит, – все умерли мгновенно.

Волк, вылезая из развороченных ворот, вскинул автомат, беря на мушку своего заместителя, но стрелять не стал. Лишь спросил:

– Зачем?

Дрон, меняя магазин, пожал плечами:

– А зачем нам трусы и слабаки в команде? Ты же все уже решил, командир, верно? Потому сейчас и не выстрелил.

Волк криво усмехнулся и опустил оружие.

– Страшный ты человек, Дрон. Но именно такой зам мне и нужен. Теперь, когда у нас есть деньги, на хрен нам не упала работа на дядей в погонах с большими звездами. Будем работать на себя, а те дяди нас прикроют.

– Пусть только попробуют не прикрыть, – жутковато улыбнулся в ответ Дрон.

...С тех событий прошел почти год. И за это время у них все получилось. Бригада армейских сталкеров под руководством Волка стала самой сильной в Зоне.

Но ненадолго.

До тех пор, пока Волк не решил поставить на место своих покровителей, по его мнению, изрядно зарвавшихся. И теперь ему с остатками группы пришлось бросить хорошо укрепленную базу и уходить в схрон, заранее приготовленный в чаще Толстого леса. Но он уже понимал – к сожалению, это лишь небольшая отсрочка перед неизбежным финалом...

* * *

Волк устало опустился на стул, рядом прислонил к бревенчатой стене свой автомат Калашникова. День выдался препоганейшим. Прошла неделя с тех пор, как вояки взялись методично прочесывать Толстый лес, очищая его от сталкеров – преступного элемента, навонившего Зону. Теперь они не различали, какой перед ними сталкер, армейский или обычный. Валили всех, без разбора. Словно крыши у них поносило. Нашли где-то проводников и полезли в тоннели, куда раньше не решались и нос сунуть.

И вовсе ни при чем тут была забота о законе и порядке. О своем бабле заботятся, сволочи. Ибо теперь, когда Волк послал их далеко и надолго, прибыль от продажи артефактов, которые выгребают из Зоны сталкеры, уже никогда не осядет в карманах армейских начальников, что, несомненно, их огорчило. И потому уже неделю Толстый лес прочесывают группы бойцов внутренних войск, одетых в современные экзоскелеты и вооруженных очень прилично. Чисто чтоб другим, кто придет на место группировки Волка, неповадно было игнорировать своих кураторов.

Сегодня погибли еще четверо бойцов боевого охранения. Увели за собой карателей, подальше от базы. Хоть и хорошо замаскирован огромный подземный схрон, но если начать искать очень хорошо, то можно найти выходы вентиляционных колодцев на поверхность, а там не надо иметь семь пядей во лбу, чтобы догадаться, что к чему.

Этот подземный схрон был продолжением сети подземных лабораторий, уходящих глубоко под Толстый лес. Данная лаборатория до аварии определенно работала на оборонку, модернизируя существующие на то время модели вооружения. Нашли ее армейские сталкеры случайно во время рейда по подземным тоннелям – мощные корни мутировавших деревьев вскрыли тщательно замаскированную и законсервированную лабораторию, в которой Волк оборудовал схрон последнего шанса. И сейчас командир группировки понимал: схрон пока есть. А вот шансов больше не осталось. Рано или поздно вояки найдут их потайное убежище, и тогда пощады не будет.

На стальной печке мирно пыхтел закипающий чайник, мерцала, словно подмигивая, «вечная лампочка» под низким потолком, что-то отрывисто хрипело радио, прерываемое треском помех. Мирная обстановка, благодатная тишина, которая в любую секунду может быть разорвана грохотом автоматных очередей и криками карателей. Что ж, им придется заплатить дорогую цену за их жизни...

Диктор в старом громоздком советском радиоприемнике бубнил что-то невнятное, и, чтобы хоть как-то отвлечь себя от безрадостных мыслей, Волк прибавил громкость. Когда мысли разрывают голову, лучше забить ее чужим бредом, иначе так можно и с катушек съехать.

– Уже можно с уверенностью сказать, что еще одним кандидатом на Нобелевскую премию по медицине станет наш соотечественник, украинский ученый академик Захаров, – воодушевленно вещал диктор с Большой земли – мощный приемник, прокачанный артефактами, ловил некоторые передачи даже здесь. – Имеются совершенно точные сведения, что он изобрел технологию восстановления мертвых организмов по одной-единственной клетке. Как утверждает ученый, каждая клетка несет информацию обо всем остальном теле, которой достаточно для того, чтобы вернуть к жизни даже давно умерших. К сожалению, в настоящее время невозможно взять у академика подробное интервью, так как он проводит свои исследования в самом центре Чернобыльской зоны, куда без специального допуска запрещен доступ любым гражданским лицам...

Почувствовав затылком чужой взгляд, Волк резко обернулся – и встретился глазами с Гудроном. За время постоянного пребывания в Зоне заместитель Волка обзавелся густой бородой, в которой до поры до времени прятал звериный оскал дикого зверя, загнанного в ловушку. А бесцветные глаза Гудрона стали гореть каким-то потусторонним синеватым огнем, от которого любому нормальному человеку становилось беспричинно жутко и хотелось отвернуться.

Но Волк, как и все, кто долгое время живет в Зоне, давно перестал считать себя нормальным. И мертвенный взгляд зама ему был по барабану, так как Волк знал – перед ним, пожалуй, единственный человек в Зоне, кто по малейшему поводу не всадит ему пулю меж лопаток.

– Ты тоже это слышал? – спросил он.

Гудрон молча кивнул.

– Собирай ребят, – сказал Волк, поднимаясь со своего места и беря автомат. – Выходим. В полном составе. На броне.

– Бросаем схрон? – уточнил Гудрон.

– Временно оставляем позицию, – поправил Волк. Но, подумав секунду, добавил: – Да какой на хрен «временно». Бросаем. Все бросаем. Ради последнего шанса.

– Уверен, что этот шанс у нас есть? – бесстрастным голосом поинтересовался Гудрон.

– Уверен, что у нас его нет, – отозвался Волк. – Но если не пытаться выгрызть его у Зоны, то его никогда и не будет.

* * *

Танк Т-80 набирал скорость. Он ехал по слабо освещенному, практически черному коридору, круто уходящему вверх. Там, на уровне земли находился большой двустворчатый, насквозь проржавевший люк, открыть который не удалось. Но Волк очень надеялся, что танк, хорошо разогнавшись, сможет проломить бронированную преграду.

Судя по документации, найденной в лаборатории, этот танк был скрытно доставлен сюда еще до Чернобыльской аварии, где ученые, имевшие в распоряжении неиссякаемый источник энергии в виде ЧАЭС, принялись колдовать над броней, надеясь усилить ее отражающие свойства. Получилось у них что-то или нет, в документах не значилось, так как все записи обрывались на печально известной дате 26 апреля 1986 года. В огромной лаборатории остались лишь эти бумаги, законсервированное научное оборудование и танк Т-80 со снятыми пулеметами. А также экспериментальный боезапас – три стодвадцатипятимиллиметровых снаряда для пушки 2А46–1, слабо мерцающих странным зеленоватым светом.

– Поганый боеприпас, – сказал боец с позывным Танкист, получивший его за то, что срочную проходил мехводом в танковых войсках. – Как пить дать радиоактивный или отравленный чем.

– Может, и так, – согласился Гудрон, не мигая глядя на Танкиста своими мертвыми глазами. – Только грузить их все равно придется.

Спорить Танкист не рискнул. Он, как и все остальные бойцы, помнил тех, кто по странному стечению обстоятельств не возвратился из памятного рейда в подземелья Вильчи. А Волк с Гудроном – вернулись, причем без единой царапины. Никто тогда ничего не сказал, включая начальство, так как доказательств не было. Однако помнить – помнили. Но, несмотря на это, когда Волк начал формировать свою группировку из личного состава Прикордонья, к нему примкнули почти все, так как платил он вчетверо больше, чем на госслужбе.

Наверняка теперь те, кто выжил, жалели об этом. Но деваться было некуда, теперь все они были в одной лодке. И если погибать – то всем вместе. И пытаться выжить – тоже.

В танке разместились Волк, Гудрон и Танкист на месте водителя. Остальные бойцы залезли в армейский ГАЗ-66, стоявший тут же, в гараже, – небось, на нем ученым подвозили все необходимое. Не много тех бойцов осталось. Все на лавках внутри кузова разместились, и еще место осталось...

Волк скрипнул зубами. И поклялся себе: если получится выжить и вновь силы набрать, то он непременно вернется в Вильчу и поквитается с теми, кто превратил их в загнанных волков. А пока...

Пока танк летел по темному коридору, а следом за ним ехала «шишига», как в армии называли ГАЗ-66, с бойцами, которые верили своему командиру.

Наверно, еще верили...

Сверху ударило, словно великан огромной кувалдой заехал по бронированной башне. Танк трянуло, но он продолжал ехать.

Волк торопливо открыл люк, выглянул...

Получилось!

Т-80 мощным ударом лобовой брони вынес ржавый люк и сейчас ехал по Толстому лесу. Вернее, по старой просеке, за эти годы густо заросшей кустами и молодыми деревьями. Когда-то она была грамотно замаскирована от наблюдения с воздуха раскидистыми кронами деревьев, а сейчас с первого взгляда вообще не поймешь, что когда-то давно здесь была дорога, ведущая к подземной секретной лаборатории.

Но для советского танка стволы полуметровой толщины не помеха. Мчался он через лес как по асфальту, только треск стоял да щепки летели во все стороны. Волк обернулся – как там «шишига»? Нормально вроде, у этого советского грузовика с проходимостью всегда отлично было. Авось доедем.

– Лес кончается, – прозвучал в шлемофоне недовольный голос Танкиста. – Куда путь держим?

– К научному комплексу на озере Куписта, – отозвался Волк.

* * *

Синий паспорт с орлом, распустившим крылья, открывает границы почти во все страны мира. Украина – не исключение. Гражданин США может свободно находиться в этой стране девяносто дней. И Джек Томпсон очень надеялся, что этого времени ему хватит, чтобы осуществить задуманное.

Он вышел из здания аэропорта, и сразу же какой-то улыбчивый человек бросился ему навстречу.

– Такси?

Томпсон кивнул.

– Куди, шановний?

И, увидев, что его не понимают, тут же поправился:

– Куда едем, уважаемый.

Джек наморщил лоб.

Прошло немало времени с того дня, когда он вернулся из России, где наловчился говорить по-русски довольно бегло. Но сейчас старый навык был уже подзабыт, и, похоже, Джеку в срочном порядке нужно было его восстанавливать.

– Мне нужен... доехать до Чернобыльской Зоны, – сказал он.

Радостная улыбка сползла с лица таксиста.

– И зачем тебе туда? – мрачно спросил он.

– Мне нужен, – твердо сказал Томпсон. И добавил для убедительности: – Очень нужный.

– Ну, если нужен, то это будет стоить сто долларов, – сказал таксист. – Плюс еще столько же за риск.

– Я согласный, – кивнул Томпсон.

Вид у таксиста был криминальный – колючие глаза, золотая фикса на клыке, сделанная явно напоказ, татуировка в виде перстня на пальце, которые, как знал Томпсон, на территории бывшего СССР принято было набивать тем, кто мотал срок. Да и чутье полицейского, выработавшееся за годы службы, подсказывало, что этот тип промышляет не только честным извозом, но и другими делами, не одобряемыми законом.

И, когда они сели в машину, решился.

– Мне в этот Зона нужен. Внутри.

Таксист хмыкнул, окинул взглядом крепкую фигуру пассажира.

– Ишь ты, внутрь, значит. Сам-то откуда будешь?

– Юнайтед Стейтс... – сказал было Томпсон. И, спохватившись, поправился: – Америка.

– Я так и подумал, – кивнул таксист, заводя автомобиль. – Ладно наши придурки туда лезут за длинной гривной, а ваши то что там забыли?

– Мне нужный, – сказал Джек.

– Это я уже понял, – отозвался таксист. – Короче, еще двести баксов, и я тебя сведу с человеком, который и со снарягой поможет, и в Зону проведет. Годится?

– Годится, – кивнул Томпсон.

– Ну, тогда поехали, – сказал водитель, трогая машину с места.

* * *

Ученые знатно прокачали Т-80 для работы в Зоне. Хоть Танкист и старался объезжать подозрительные места, но левая гусеница все равно въехала в «жару». Столб неистового пламени взметнулся вверх на пару метров, внутри стальной машины разом стало как в бане. От резко подскочившей температуры рванули блоки динамической защиты по левой стороне... и на этом все закончилось. Танк как ни в чем не бывало продолжал ехать по Зоне.

– Круто! – выдохнул Волк. – Обычная броня от «жары» или расплавилась бы моментально, либо как минимум размягчилась. А тут хоть бы хны!

– Небось артефактами прокачали, усиливающими молекулярные связи металла, – сказал Гудрон. – Я о таком читал в журнале «Зона». Только не пойму, откуда у ученых до аварии были такие арты?

– Кто его знает, отчего та авария произошла, – отозвался Волк. – Может, те ученые и пустили «мусорщиков» в наш мир еще до нее. Те им артефактов насыпали, они от счастья и забыли обо всем. А те твари из иномирья ЧАЭС и рванули, чтоб сделать из радиоактивной зоны свалку для своих отходов. Чем не теория?

– Годная, – кивнул Гудрон, заряжая снаряд в пушку. – Только, может, расскажешь, что ты задумал?

– Пацанов наших оживить хочу, – сказал Волк. – Если тот академик реально настолько крут, как о нем по радио говорят, я из него всю душу вытрясу, но парней наших он с того света вернет.

– Ты сам-то в это веришь? – невесело хмыкнул Гудрон. – И даже если это не бред, который телевизионщики прогнали, чтоб на хлеб с маслом заработать, сам подумай: так тот ученый и ринулся твои желания исполнять. Я слышал про Куписту. Там крепость, которую вряд ли получится взять. Даже с аномальным танком.

– Ключевое здесь «вряд ли», – зло огрызнулся Волк. – Никто не пробовал это делать, верно? Значит, попробуем мы. Еще и потому, что терять нам нечего. И пути назад у нас нет.

– Насчет того, что вернуться не получится, это факт, – кивнул Гудрон. – Ладно, командир, как скажешь. Судя по карте, Куписта должна появиться с минуты на минуту.

Волк открыл верхний люк, высунулся наружу.

Воздух Зоны ударил в лицо, словно с помойки ветерком потянуло. Зона пахла гнилью болот и трупов, разлагающихся в этих болотах. К этой вони примешивался запах озона от поля «электродов», потрескивающих справа, за которым виднелись провалившиеся крыши печально известного села Чистоголовка. После чернобыльской аварии село это оказалось в центре радиоактивного загрязнения, так называемого «западного следа». Полностью накрыло его шлейфом, состоящим из высокоактивных частиц ядерного топлива, вылетевших из недр разрушенного реактора. Само село вроде как снесли, обломки зданий закопали в землю. Жителей – выселили. Тоже вроде как. По бумагам да документам. А что там на самом деле было – кто ж его знает. Вон они, крыши типа снесенного села. Мираж? Или настоящие дома, воссозданные Зоной заново? Кто ж знает. И проверять как-то не хочется. Потому что тех, кто пытался

проверить, никто больше никогда не видел. Пропадают там люди. Ушел сталкер в район снесенного села, которое вроде как и не снесенное, – да и сгинул без вести...

Слева над невысоким лесом, искореженным мутациями, виднелись пулеметные вышки комплекса производств «Вектор». Хорошо укрепленная база «боргов», где черно-красные мутят свой гнилой бизнес по переработке твердых радиоактивных отходов. Типа по переработке. На самом деле «борги» тупо сваливают привезенный из Европы радиоактивный мусор в глубокие шахты, выкопанные еще во времена СССР и сейчас прикрытые для маскировки большими самолетными ангарами. Доходный и не особо напряжный бизнес, ничего не скажешь. Именно из-за него и грызутся «борги» с «вольными», второй, не менее мощной группировкой Зоны. Те тоже хотят ни хрена не делая бабло собирать, вот и воюют с красно-черными за этот комплекс. Что и говорить, гнилое место Зона. И по запаху, и по сути своей.

Танк же мчался вперед, ровняя гусеницами ухабы и вдавливая в землю аномалии – только треск стоял да порой искры или толстые молнии вылетали из-под днища. Надолго ли хватит той противоаномальной защиты, которой ученые прокачали Т-80? К вон Зоны уже очень явно примешивался запах горелой краски и металла, разогретого чуть ли не до температуры плавления...

– Куписта, – раздался в шлеме голос Гудрона.

Но Волк и сам уже видел огромную железобетонную крепость, утыканную габаритными поворотными бронеколпаками, в каждый из которых запросто можно засунуть крупнокалиберное противотанковое орудие. А еще он видел большие бронированные ворота, вскрыть которые можно было, наверно, только атомным зарядом...

Или странным светящимся снарядом, который Гудрон зарядил в танковую пушку.

Провернулись бронеколпаки на крепости, по танковой броне замолотили пули. А потом долбануло что-то посерьезнее. Т-80 слегка приподняло, перекосило, и он аж на одной гусенице несколько метров проехался. Но на скорость передвижения это не повлияло. Знатно ученые прокачали защиту танка, ничего не скажешь. Тяжелая машина выровнялась и продолжала лететь вперед.

– На ворота. Максимальная скорость, – скомандовал Волк.

Все это было чистой воды авантюрой, и командир поредевшей группировки армейских сталкеров прекрасно это осознавал. Но, с другой стороны, он понимал, что сейчас спасти и его, и людей, которые пока что верили в него, может лишь удачная авантюра. И ничто иное.

Это было понятно и Танкисту, который выжал из двигателя все возможное, и Гудрону, который метров за сто пятьдесят выстрелил по воротам, а после рухнул на пол и прикрыл голову руками...

Светящимися руками...

Это Волк увидел тоже падая на пол, ибо когда танк на предельной скорости врезается в толстенную стальную плиту, спастись можно лишь вот так, лежа на полу и прижавшись к броне...

Удар был страшным. Волку показалось, что его сейчас расплющит об металл. Но – лишь показалось.

Он попытался встать. В бок словно пуля ударила изнутри.

«Кажется, ребро сломано», – пришла равнодушная мысль.

Волк даже удивился собственному спокойствию. Хотя – чему удивляться особо? Руки-ноги двигаются, а сломанные ребра заживают быстро. Гудрону вон похуже будет, чем ему. Вон лежит на полу без сознания, а руки, которыми он трогал светящийся снаряд, теперь тоже мерцают и медленно так стекают вниз с костей, расплываясь на полу фосфоресцирующими лужицами.

– Ничего, – хрипло произнес Волк. – Главное – живы. Остальное приложится.

Он откинул люк, выглянул.

Получилось...

Танк вышиб ворота, развороченные снарядом, – и застрял в них, намертво заклинив проход. А сзади на Т-80 уже забирались бойцы группировки, вылезшие из грузовика. Его бойцы, которых он не подвел.

– Двое остаются стеречь вход, – бросил Волк. – Остальные за мной.

И, схватившись за сломанную от удара танковую пушку, легко спрыгнул вниз. В боку стрельнуло не на шутку, аж в глазах потемнело, но Волк лишь оскалился и глухо зарычал. Боль имеет власть только над слабаками. Сильного она стимулирует к борьбе, не давая забыть, что ты – живой и должен вгрызаться в эту жизнь, как голодный хищник в кровотокающее мясо.

Автомат приятно охлаждал ладони. Волк щелкнул переводчиком огня и направился вдаль по коридору, ведущему в недра научного комплекса.

* * *

Увиденное на экране потрясло академика до глубины души. Получалось, что если он выполнит обещание, вернув к жизни Снайпера и его друзей, то планете Земля придет конец! Ужасное существо, которое пока не родилось, уничтожит ее – и никто, и ничто не сможет ему противостоять.

– Спасибо, Грета, – сказал Захаров – и экран, на котором гигантские щупальца вползали на берег Австралии, погас.

– Всегда рада помочь, хозяин, – раздался приятный женский голос из-под потолка.

– Да-да, я вижу, – рассеянно проговорил ученый, поглаживая седую бородку. – Потрясающе реалистичное повествование, прям хоть книгу по нему пиши. И какова вероятность подобного развития событий?

– Девяносто восемь и четыре десятых процента, – отозвался искусственный интеллект научного комплекса по имени Грета. – Прогноз сформирован на основе анализа вводных, а также состава синей пыли, содержащейся на предоставленных образцах. Данная пыль является сильнейшим аномальным мутагеном с предсказуемой схемой влияния на биологические объекты.

– Вот, значит, как, – задумчиво пробормотал Захаров. – Девяносто восемь и четыре – это очень много. Практически стопроцентная вероятность уничтожения всего живого на земле. Если бы прогноз предсказывал лишь гибель человечества, я был бы не против. Но уничтожение всего живого на земле – это уже слишком. Ну, что скажете, коллега? Как по-вашему, что лучше – сдержать данное слово или превратить нашу планету в космическую аномалию со щупальцами и гигантским серебряным лицом?

Он повернулся к поставленному вертикально небольшому автоклаву жизнеобеспечения, который обычно использовался для изучения мелких мутантов Зоны.

Но сейчас внутри него находилось нечто ужасное...

Это была верхняя часть мужского тела без рук и всего, чему положено быть ниже груди, отчего обрубок очень напоминал памятный бюст, которые любили устанавливать во времена СССР везде, где для этого имелось подходящее место.

В бюст со всех сторон были воткнуты иглы с прозрачными пластиковыми трубками, через которые текла питательная жидкость. Было видно, как внутри вскрытой грудной клетки бьется сердце. Во лбу несчастного зияла большая, продолговатая, едва затянувшаяся рана, словно туда со всей силы вонзили острый нож, способный пробивать любые препятствия.

Глаза бюста, испещренные сеткой растрескавшихся сосудов, тяжело повернулись в орбитах и уставились на Захарова. Посиневшие губы дрогнули.

– Отдай мне все, что ты у меня отнял, – прохрипел несчастный. – Тогда получишь ответ. Захаров усмехнулся в усы.

– Вот она, благодарность человеческая. Я вернул к жизни того, кто собирался убить меня, можно сказать, поступил крайне благородно. А теперь вы, господин Кречетов, требуете, чтобы я вернул вам руки, которыми вы мечтаете меня задушить, и ноги, которыми вы напоследок с удовольствием потопчетесь на моей могиле? Ну уж нет, не обессудьте. Если вы не желаете участвовать в дискуссии, не буду настаивать. Хотя, заметьте, я порой прислушивался к вашему мнению.

– Ты хочешь знать мое мнение, старик? – жутко ухмыльнулся бюст. – Что ж, слушай. Раздоби эти гильзы в пыль вместе с телом Снайпера, которое лежит у тебя в автоклаве, и захорони все это в самом страшном радиационном могильнике Зоны, чтобы ни одна тварь не могла подойти к этому проклятому месту. Я, конечно, не идеал, многие вообще считают меня чудовищем. Но я видел предсказание Греты и верю, что она не ошиблась. Земля не заслужила такой страшной участи из-за того, что ты когда-то дал Снайперу какое-то слово.

Захаров задумчиво прошелся туда-сюда по лаборатории, наморщив лоб и заложив руки за спину. Странно, но для этого, в общем-то, совершенно беспринципного человека был важен личный моральный кодекс, который он сформировал для себя. И сейчас в нем боролись два противоречивых чувства – очень свое понятие о благородстве и здравый смысл.

Наконец он остановился.

– Да-да, думаю, вы правы, коллега, – рассеянно произнес он. – Ради безопасности всего живого на этой планете, видимо, мне придется поступиться некоторыми своими личными нормами порядочности. Будь по-вашему, господин Кречетов. Искренне благодарю вас за ценный совет.

Действительно – если ты дал обещание, которое не можешь выполнить, самое логичное, что можно сделать, – это даже не пытаться его выполнить, а просто забыть о нем. И, чтобы оно лучше забывалось, разумно будет уничтожить того, кому обещал, – так, чтоб от него не осталось никаких следов.

Сделать это было просто. Достаточно перегрузить мертвое тело в печь, находящуюся в этом же зале, и нажать кнопку. А после того, как труп сгорит, автоматика перемелет кости в пыль, которую можно, проигнорировав советы кровожадного коллеги, просто развеять над Зоной. Хорошие похороны для того, кто давно уже стал местной легендой...

Захаров даже открыл было рот, чтобы отдать приказ одному из немногочисленных оставшихся кибов, как вдруг ощутил, как пол под ногами ощутимо тряхнуло. И тут же сверху раздался механический голос:

– Танковая атака комплекса. Главные ворота уничтожены. Противник прорвался внутрь.

– Грета, маму твою механическую за шестеренку! Раньше не могла сказать, когда они только на горизонте появились? – раздраженно бросил Захаров.

– Я анализировала данные согласно протоколу внешней защиты, утвержденному профессором Кречетовым, – невозмутимо отреагировал искусственный интеллект. – Если требуется раннее оповещение, необходимо изменить протокол. Приступить?

– Поздно, – махнул рукой Захаров.

Бюст Кречетова злорадно ухмылялся, не скрывая радости от происходящего.

– Эта танковая атака – твоя работа? – поинтересовался Захаров, беря в руку скальпель.

– К сожалению, нет, – покачал головой обезображенный ученый. – Ну и что ты мне сделаешь? Голову отрежешь? Так я только спасибо скажу.

– Раньше ты был вежливее, на «вы» обращался, – отметил Кречетов.

– Я вежливость вместе с конечностями потерял, – отрезал профессор.

– Да и Зона с тобой и с твоими конечностями, – сплюнул Захаров, осознав, что сейчас не самое лучшее время для личных разборок. – Грета, сколько этих мерзавцев проникло в комплекс?

– Мои камеры зафиксировали четырнадцать биообъектов, – отозвался голос из-под потолка. – Прикажете расстрелять их из потолочных пулеметов?

– погоди, – сказал Кречетов. – Держи их на прицеле. Скажу «огонь» – расстреляешь. Хочу понять, что им понадобилось в моем комплексе.

* * *

...Они вошли в лабораторию, гремя по полу подкованными берцами. Бойцы в грязной камуфлированной униформе, с автоматами наперевес. Впереди шел крепкий парень в бандане, с хмурым волчьим взглядом исподлобья.

– Ты Захаров? – резко бросил он.

– А мы давно с вами на «ты», молодой человек? – поинтересовался академик, отложив скальпель и скрестив руки на груди.

Волк скрипнул зубами, указательный палец против воли тронул спусковой крючок автомата. Не привык командир группировки армейских сталкеров, чтобы его вот так осаживали, да еще и на глазах его подчиненных.

Но усилием воли Волк осадил клокочущую внутри него нервную ярость. Невелика честь пристрелить смелого старика, свои же не поймут эдакого «геройства». К тому же может статься, что он и есть тот самый ученый, ради которого Волк с бойцами притащился сюда.

– Вы Захаров? – глухо спросил он.

– А здороваться вас не учили? – прищурившись, спросил Захаров.

– Не перегибай, старик, по краю ходишь, – прорычал Волк. Но вспомнив, что на плечах одного из бойцов, стоящих сзади, безвольным мешком висит отрубившийся от боли Гудрон, выдавил из себя: – Здравствуйте.

– Ну допустим, – сухо произнес ученый. – Академик Захаров – это я. Чем обязан?

– За нами погоня, – еле слышно проговорил Волк. – Нам некуда идти. Больше половины моих бойцов погибли, и... мой друг умирает.

Волк запнулся. Впервые он назвал Гудрона другом. Раньше и мысли об этом не было – думал о нем как о верном заместителе, не более. А сейчас вырвалось откуда-то изнутри, и пришло осознание: а ведь реально Гудрон – Друг. Именно так. С Большой Буквы.

– Сейчас расплачусь, – фыркнул бьют Кречетова. – Разворотили ворота, притащились сюда, рассказали слезливую историю – и что теперь? Броситься вам на грудь, обнять, простить и начать усиленно спасать ваши задницы?

Волк равнодушно смерил взглядом искалеченное тело профессора и бросил сквозь зубы:

– Заткнись, обрубок. Не с тобой разговариваю.

Кречетов скривился.

– Грета, дорогая, сделай милость, пристрели этого нахала вместе с его шайкой. Одним словом – огонь!

– В программе управления искусственным интеллектом стерт алгоритм реакции на ваши приказы, – сообщил с потолка механический голос. – Вместо него вставлено голосовое сообщение «пошел ты!».

Профессор покосился на академика.

– Уже успел, да? Жаль. Но на твоём месте я бы просто зачистил этих придурков и закрыл вопрос.

– Ты не на моем месте, – сказал Захаров, пряча руки в карманы белого халата. – Итак, молодые люди, я понял, что у вас проблемы. Но совершенно не могу взять в толк, что вы хотите от меня?

– Дайте нам защиту, вылечите этого раненого, оживите моих парней, – сказал Волк. – И требуйте от нас все, что захотите.

Захаров задумчиво почесал бородку.

Кибов у него осталось всего ничего, а новых еще надеть надо. «Вольные» не справились с охраной комплекса, бандиты вместо охраны вынесли из него все более-менее ценное. Можно, конечно, к «боргам» обратиться, но эти отморозки преследуют только свои шкурные интересы. Освоившись здесь, они наверняка рано или поздно сделают предложение, от которого невозможно отказаться, и в результате придется заниматься их бизнесом, а не своим.

Этим же парням некуда идти. С виду они неплохие бойцы, с армейской выправкой, а значит, знают, что такое дисциплина. И если их спасти сейчас, научный комплекс станет единственным домом для изгоев, который они станут защищать до последней капли крови. По крайней мере, первое время, пока не освоятся. А дальше – время покажет. Но для начала нужно проверить, насколько эти парни готовы подчиняться ему.

– Все, что захочу? – задумчиво произнес он. – Что ж. Преклоните колени.

– Что? – переспросил Волк, чувствуя, как бешенство подкатывает к горлу, мешает дышать. Старик решил унижить его, а унижение – хуже смерти...

– Достаточно встать на одно колено, – поправился Захаров, мигом поняв, что переступил границу. – Мне нужна от вас клятва верности. Вы же военные, наверняка становились на колено перед знаменем своей части. Здесь – то же самое. Поймите, господа, мне нужны гарантии вашей преданности. Иначе боюсь, что мы не договоримся.

Волк обернулся на своих парней, каждому посмотрел в глаза...

И не увидел ничего, кроме пустых, равнодушных взглядов, смотрящих сквозь своего командира. Бойцам было все равно. Они слишком устали воевать, стрелять, убегать... В таком состоянии людям плевать, что делать: убивать, умирать самим или клясться в верности старому маразматiku. Лишь бы наступил долгожданный покой. Хоть ненадолго.

Волк вновь повернулся к Захарову, кивнул и, бросив через плечо:

– На колено – встать! – сам выполнил свою же команду.

– Повторяйте за мной, – сказал Захаров. – Я, боец группировки «Куписта», клянусь Зоной...

Сейчас академик импровизировал на ходу – и происходящее ему нравилось. Он на мгновение почувствовал себя главой тайного ордена, посвящающего в рыцари неофитов. Что тут скрывать, приятное чувство. Власть над людьми – это всегда приятно.

– клянусь Зоной... – гулко отразилось от стен лаборатории многоголосое эхо.

– Быть верным академику Захарову, которого отныне я считаю своим отцом и начальником. Защищать его и научный комплекс, который я считаю своим домом, даже ценой собственной жизни. Беспрекословно исполнять все приказы академика Захарова, не давая ему ни малейшего повода усомниться в моей верности. Если же я нарушу эту мою клятву, то пусть Зона покарает меня так, как она наказывает тех, кто нарушил свое слово, данное ее именем.

– ... пусть Зона покарает меня так, как она наказывает тех, кто нарушил свое слово, данное ее именем, – хором повторили бойцы. Волк – тоже, сквозь зубы и стиснув кулаки.

Десять минут назад он и подумать не мог, что так все обернется. Унижением. Хотя... Унижение ли давать вассальную клятву тому, от кого ждешь так много? Может, это просто очень небольшая плата за весьма солидный хабар, который приобретаешь практически даром? Если это расценивать именно так, то вроде уже и унижение – не унижение, а так, легкий дискомфорт в колене от стояния на холодном полу...

– Встаньте, воины, – сказал Захаров. Произшедшее настроило его на высокопарный лад. – Что ж, я доволен. Итак, к делу. Вы хотите, чтобы я дал вам защиту, вылечил раненого и оживил мертвых бойцов. Что касается первого...

– Хозяин, к комплексу приближается группа вооруженных солдат, – перебил его голос с потолка.

– Солдат?

– Именно так. Они что-то кричат в мегафон. Усилить?

– Да-да, Грета, сделай милость.

– ... именем закона, – донесся до ушей академика приглушенный голос, искаженный мембраной. – Я командир части боевого охранения кордона. Приказываю немедленно выдать нам государственных преступников, скрывающихся в вашем научном комплексе. В противном случае за укрывательство...

– Достаточно, – отмахнулся Захаров. – Думаю, что боевое охранение кордона должно охранять кордон, а не шататься по Зоне. А значит, это самозванцы, пытающиеся обманным путем уничтожить моих бойцов. Зачисти их, Грета.

– Конечно, хозяин, – отозвался искусственный интеллект по имени Грета. Вслед за этим сверху раздался беспорядочный треск очередей, сильно приглушенный бетонными перекрытиями. Раздался – и практически сразу прекратился.

– Готово, хозяин, – доложила Грета. – Я отработала крупным калибром, так что это теперь просто куски мяса, не подлежащие идентификации.

– Умница, – кивнул Захаров и повернулся к Волку. – Итак, первую часть вашей просьбы я выполнил – дал вам защиту. Руки вашему другу я восстановлю, но для этого ему придется несколько часов полежать в автоклаве... Хотя погодите. Кажется, он умер.

– Нет!!! – проревел Волк, бросаясь к Гудрону.

– Увы, да, – негромко произнес академик. – Что я, мертвецов не видел?

Волк с силой оттолкнул бойца, стоявшего на его пути, приложил два пальца к шее Гудрона, замер... и опустил голову.

– Вы правы, профессор, – глухо проговорил он. – Что ж, теперь вы должны оживить его. Я знаю, вы можете.

Захаров усмехнулся.

– Во-первых, я предпочитаю, чтобы меня называли академиком. Во-вторых, я никому ничего не должен. Скорее, наоборот, у вас сейчас образовался большой, один на всех Долг Жизни передо мной. И в-третьих – да, я могу оживить вашего друга. Но не буду. Ибо наблюдаю у него признаки поражения синей пылью, в результате чего вы рискуете получить не ожившего собрата по оружию, а чудовище, мало похожее на того человека, которого вы знали.

– Что за «синяя пыль»? – рявкнул Волк.

– Частицы «Монумента», самой зловредной аномалии Зоны, – пожал плечами Захаров. – Если ими обработать какое-то оружие или боеприпас, его боевые качества возрастают многократно. Но коли они попадут на любое живое существо – пиши пропало. Оно рано или поздно превратится в монстра. А уж оживлять трупы, на которые попала «синяя пыль», это вообще гиблое дело, поверьте. Так что я не буду...

– «Не буду» – это ты зря, профессор, – прорычал Волк, направляя автомат в живот Захарова. – Я, конечно, поклялся Зоной служить тебе и все такое. Но я не клялся не убивать тебя, если ты откажешься от своего обещания.

– Упс, – хмыкнул Кречетов. – Упущение, коллега. Надо было лучше думать над проектом клятвы.

Захаров зло зыркнул на искалеченного профессора, но ничего не ответил. Тот был прав. Самые страшные клятвы в Зоне – это клятвы Зоной, которая реально мстит тем, кто их не исполняет, это знают все, кто хоть немного пожил на зараженных землях. Но если ты упустил хоть один пункт в этой клятве, Зона и не почешется, если тебя пристрелит тот, кто только что распинался тебе в своей верности.

– Хорошо, – буркнул он, направляясь к ряду автоклавов. – Но я вас предупредил.

– Стоять! – рыкнул Волк. – Я не собираюсь рисковать телом единственного настоящего друга. Может, ты на самом деле косорукий шарлатан и сейчас вместо оживления растворишь его в своем автоклаве или еще чего удумаешь. Вон у тебя в соседнем стеклянном ящике еще

один мертвец валяется, синевой отливает. Оживи-ка сначала его, а я посмотрю, как ты это сделаешь.

Захаров усмехнулся в усы.

– Этого легендарного мертвеца зовут Снайпер, он тоже отравлен «синей пылью». И я имею совершенно четкий научный прогноз насчет того, что если вернуть к жизни этого сталкера, то мир рискует...

– Мне плевать, чем рискует этот гребаный мир! – заорал Волк, теряя последние остатки самоконтроля. – Или ты сейчас его оживишь, или я просто пристрелю тебя на хрен! Ясно?

Захаров видел – этот ненормальный армейский сталкер не шутит. У него, похоже, серьезные проблемы с психикой, так называемый посттравматический синдром, который у военных часто напрочь сносит крышу. И получать очередь в живот от долбанутого вояки совершенно не входило в планы академика.

– Как скажете, – пожал он плечами, поворачиваясь к автоклаву. – Запускаю программу оживления биообъекта.

– А может, его сначала почистить?

Академик удивленно обернулся. Как и Волк, кстати.

Молодой боец, на которого сейчас вопросительно смотрели все присутствующие, развел руками.

– Ну, как мы радиоактивную воду чистим. Крупинками «веретена».

Захаров задумчиво почесал бородку.

«Веретено» был артефактом причудливой формы, который обычно находили в местах повышенной гравитационной активности. Эта своеобразная «губка», нейтрализующая радиоактивное излучение, встречалась достаточно редко и стоила немало. Однако торговцы в Зоне нашли «веретену» еще более выгодное применение.

Размоллов артефакт до мельчайших крупинок, барыги продавали их сталкерам, которые мигом расхватывали дефицитный товар. Ведь если положить крупинку «веретена» во флягу, то можно было наполнять ее из любой радиоактивной лужи. Через несколько минут жидкая грязь превращалась в кристально чистую воду. Правда, поговаривали, что если пить ее постоянно, то через некоторое время сам очистишься от всего человеческого и превратишься в морального уроду, которому наплевать на всех, кроме себя. Но это в Зоне мало кого пугало – тут и так почти все такие за редчайшим исключением.

Волк нахмурился.

– Это – академик, – ткнул он пальцем в Захарова. – Высшее образование имеет, и, небось, не одно. А ты, младший сержант Наливайко, закончил восемь классов, ПТУ и учебку. Потому не с твоими соплями солидному ученому указывать, чего ему делать...

– Погодите, – прервал его Захаров. И, повернувшись к покрасневшему от смущения сержанту, спросил: – У вас есть фрагмент «веретена»? Я располагаю лишь целым, а дробление займет немало времени.

– Да, есть, – кивнул парень, отстегивая флягу с пояса. – Сейчас.

Он спустил вниз рукав камуфляжа, заткнул им горлышко фляги, вылил воду на пол, осторожно извлек из мокрой материи требуемое, похожее на кусочек бутылочного стекла величинной со спичечную головку, и протянул его ученому.

– Посмотрим, посмотрим, – пробормотал Захаров, забирая кусочек артефакта. После чего сунул его в приемник автоклава и набрал комбинацию из букв и цифр на пульте, расположенном в изголовье стеклянного гроба.

Загудели приборы в лаборатории. Из внутренних стенок автоклава вылезли гибкие манипуляторы с прозрачными трубками, увенчанные внутривенными иглами, которые немедленно вонзились в руки трупа. По трубкам потекла вязкая, слабо фосфоресцирующая жидкость.

– Смотрите, молодые люди, это любопытно, – Захаров царственным жестом указал на автоклав. – Про оживление мертвецов знали давно. Например, африканские шаманы практиковали это столетиями – в малочисленных племенах взрослые обученные воины были наперечет, а на Черном континенте воевали постоянно, что подразумевает естественную убыль личного состава. Так вот, зомби, воскрешенный подручными средствами, тоже может убивать – правда, похуже, чем живой. Но, тем не менее, может. У него сохраняются рефлексy, навыки и даже обрывки воспоминаний о том, кем он был при жизни. Правда, вследствие необратимых процессов в мозге, вызванных смертью, нервная система мертвеца практически всегда повреждена, движения хаотичны, речь бессвязна. Короче, боец из него очень посредственный. Как я понимаю, в Африке служители культа преимущественно оживляли мертвых лишь для того, чтобы продемонстрировать свое могущество.

Когда я начал эксперименты с воскрешением трупов, вначале мои результаты были не лучше, чем у тех шаманов. Плюс в научных кругах на меня стали смотреть косо, едва ли не в глаза обвиняя в шарлатанстве. Отчасти поэтому я уехал из Москвы в Чернобыль. Здесь стольное светило в моем лице приняли довольно тепло – даже выделили этот научный комплекс, который я в значительной степени модернизировал. Немногим позже я узнал, что Чернобыльская АЭС обеспечивает энергией не столько Киев, сколько обширную систему подземных лабораторий, работающих на военно-промышленный комплекс. Но не в этом суть.

Моя работа по оживлению мертвых зависла, как игра в дешевом компьютере. Мне легко удалось вернуть к жизни не один десяток трупов, но интеллект у них был не выше, чем у трехлетнего ребенка, – сказывались разрушительные последствия смерти. Я был на грани отчаяния, но тут произошла та самая авария на Четвертом энергоблоке, разорвавшая границу вселенной. Наши соседи по Розе Миров крайне обрадовались этому факту – их мир задышался, не в силах переработать огромное количество отходов производства. И вот те, кого мы называем «мусорщиками», принялись сваливать их к нам в виде артефактов и аномалий. Впрочем, это вы все и без меня знаете.

Академик прошелся туда-сюда, заложив руки за спину, словно увлеченный своей лекцией преподаватель перед студентами. Впрочем, бойцы слушали его очень внимательно, наблюдая при этом, как время от времени меняется цвет жидкости, которая вливалась в вены мертвеца, лежащего в автоклаве.

– Как говорится в народе, нет худа без добра, – продолжил академик. – Я первый понял, какие необычайные свойства скрыты в технологическом мусоре наших соседей по вселенной, и первым начал его подробное изучение. Сейчас результатами моих исследований пользуются ученые всего мира – но лишь малой их толикой, той, которой я счел нужным поделиться с ними.

– Смотри не лопни от важности, – негромко пробормотал Кречетов, но Захаров то ли не услышал его, то ли просто не счел нужным ответить.

– Итак, сейчас вы наблюдаете уникальное явление, – продолжил академик. – Победу разума над смертью! Благодаря изучению свойств артефактов и аномалий мне удалось обратить вспять необратимые процессы и разработать целых две методики воскрешения. Самый простой способ вы наблюдаете сейчас. Благодаря введению в вены мертвого тела особого состава умершие клетки организма получают импульс к дальнейшей жизни. И они оживают! Мало того, они стремительно регенерируют, в результате чего прямо на глазах затягиваются самые страшные раны трупа. Восстановление длится от десяти минут до нескольких часов в зависимости от степени повреждений тела и индивидуальных способностей организма, но в результате к жизни возвращается совершенно тот же человек, что ушел из нее.

– Впечатляет, – кивнул Волк, наблюдая, как постепенно розовеют пергаментные щеки трупа. – А что насчет возрождения из одной мертвой клетки? Об этом по радио говорили.

– Сами понимаете, это гораздо более сложный процесс, – отозвался академик. – Однако я уже не раз проделывал подобное. Но к сожалению, для этого требуется крайне дорогостоящая матрица – биологический материал, которому сообщается информация о восстанавливаемом организме, полученная от той самой клетки.

– Матрица, – фыркнул Кречетов. – Скажи лучше, просто чей-то труп, из клеток которого полностью стерта информация о прежнем хозяине...

– Еще одно слово, и я из вашего мозга, коллега, полностью сотру всю информацию, – сухо бросил Захаров. – Вы точно хотите стать овощем, потеряв не только конечности, но и способность мыслить?

– Все, я заткнулся, – криво усмехнулся Кречетов.

– Мне все равно, чьи тела вам нужны, чтобы оживлять мертвых, – сказал Волк. – Если нужно, трупов мы вам притащим сколько угодно. Мне важно лишь одно – чтобы мои бойцы вновь встали в строй.

Он достал из кармана взятую у отрубившегося Гудрона связку нагрудных жетонов, покрытых запекшейся кровью.

– У вас сейчас есть готовые матрицы, господин академик? Как только я удостоверюсь, что этот сталкер ожил и при этом находится в здравом уме и твердой памяти, я бы хотел, чтобы вы немедленно приступили к оживлению людей, чья кровь осталась на этих жетонах...

– Смотрите! – воскликнул боец, который подал идею насчет очистки «веретенном».

Мертвец в автоклаве дернулся, словно его током ударило. Внезапно на его шее и руках страшно вздулись вены, при этом сквозь тонкую кожу было видно, что по ним течет синяя, слабо светящаяся кровь.

А потом труп начало корчить. И это было страшно. Мертвое тело начало биться об крышку автоклава, из его рта, брызгая во все стороны, хлынула иссиня-черная пена. Автоматические манипуляторы повыдергали иглы из рук беснующегося трупа и жались вдоль стенок автоклава, словно испуганные змеи...

– Твою ж Зону, – покачал головой Волк. – Профессор, это нормально?

– Если вы ко мне, то, на мой взгляд, это полный звездец, – сказал Кречетов. – И я еще очень мягко выразился.

Волк поморщился.

– И вообще-то я не к тебе обращался, говорящая голова. Я и сам вижу, что в этом ящике происходит какая-то хрень. Так что, господин Захаров, все идет по плану?

Захаров, не спуская глаз с автоклава, вдумчиво теребил бородку, словно намеревался ее оторвать.

– Я с вами говорю! – возвысил голос Волк.

– Да-да, я вас слышу, – рассеянно проговорил Захаров. – И, если честно, понятия не имею, что это такое, подобную реакцию объекта я наблюдаю впервые. Но могу предположить, что сейчас его организм действительно освобождается от последствий пагубного отравления синей пылью. Если, конечно, данный процесс не убьет объект – слишком уж интенсивно происходит процесс этого освобождения...

Академик еще проговаривал последние слова, когда труп начало выворачивать. Его рвало так, что казалось, он вот-вот начнет извергать из себя собственные внутренности. Крышка автоклава, сработавшая из пуленепробиваемого стекла, уже настолько была заляпана мерзкой черно-синей жижей, что увидеть происходящее внутри прозрачного гроба стало проблематично.

– Кажись, сдох, – неуверенно произнес Волк, вглядываясь в недра автоклава и непроизвольно морщась. Этот боец повидал в жизни всякое, но такое количество блевотины видел впервые.

Захаров неуверенно покосился на приборы, но они ничего не показывали. Вообще ничего. Не иначе, все датчики оторвались, когда мертвец неистово бился в своем стеклянном гробу...

– Есть только один способ это проверить, – сказал он, нажимая на кнопку открытия автоклава.

* * *

Вонь была ужасной. Непередаваемой. Такой, что я, едва вынырнув из мрака беспамятства, чуть снова не утонул в нем.

Но я не хотел вновь окунаться в черную ледяную пропасть, из которой выплыл на слабый свет, мерцающий в недостижимой высоте. Поэтому я старался. Очень старался. Мне нужно было вернуться!

Зачем?

Не знаю...

Там, откуда я выбрался, не было слов, мыслей, чувств... Не было даже времени. И единственное, что было во мне, что стало мной там, на дне, холодном, словно могила, – это осознание того, что я должен возвратиться.

Обязан.

Потому что не могу иначе.

Но как странно... Неужто то, к чему я так стремился, это яркий свет, воняющий так, что смерть по сравнению с ним кажется не таким уж страшным наказанием?

Однако я не вырубился вновь, удержав сознание в теле, которое я теперь ощущал. Надо же, как это приятно – чувствовать, что ты вновь стал обладателем скрюченного от боли туловища, адски ноющих конечностей и разламывающейся головы. Я осознавал, что мой рот открыт, что я ору во всю глотку от боли, но из горла вырывается лишь жалкий булькающий хрип.

А еще я ни черта не видел. Перед глазами плавали лишь размытые пятна неопределенной формы. Но в какой-то момент поле моего зрения заслонило одно белое пятно и чей-то отдаленно знакомый голос произнес:

– Спокойно, Снайпер. Сейчас сделаю укол, и сразу полегчает.

Над левым локтем кольнуло довольно сильно, следом в этом месте появилась раздражающая боль. Но разве можно ее сравнить с той болью, что пронизывала каждую клетку моего тела, скручивая его в эмбрион?

Однако чувство болезненного распираания в руке быстро прошло – вместе с нестерпимым ощущением, что меня сейчас разорвет изнутри на тысячу кусков.

И вместе с этим вернулось зрение.

Пелена спала с глаз, и я увидел, что сижу в автоклаве, заблеванном так, словно в него выворачивало целый взвод военных, перебравших по поводу новогоднего праздника. Кстати, вон они стоят, глядя на меня словно на выходца с того света. Интересно, не их ли это была затея излить на меня содержимое своих желудков?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.